

Как известно, Театр спонтанности – это метод, созданный Якобом Леви Морено, представляющий собой открытые социодрамы, встречи зрительских историй (плейбек-театр), импровизационные игры, психодрамы. На открытых социодрамах (даже если кто-то не участвует в групповом действии), происходит, как говорил Морено, "терапия публики". Есть много вариантов работы Театра спонтанности. Все эти формы легко переходят из одной в другую, поскольку питаются из одного источника - методологии и философии Морено, которая и представлена в тексте «Театр спонтанности».

Я.Л. Морено пишет о понятии личностного, рассматривает его природу, источники происхождения, реалии и возможное будущее личностного. Также раскрывает его движущие силы и отвечает на вопрос, почему же именно театр выбран в качестве тренинга спонтанности и развития личностного.

Театр спонтанности. Я.Л.Морено ВВЕДЕНИЕ

Глядя на эту тоненькую, появившуюся на моем столе спустя 25 лет после рождения, книжку - методы деятельности и исследование деятельности, исполнение роли и исследование роли, игровая техника и игровая психотерапия, выявление спонтанности и тренинг спонтанности, психодрама и социодрама - представляется нужным припомнить то, что вдохновляло меня при ее создании.

Тогда мне и в голову не приходили мысли о театре и его атрибутах.

Я боролся с идеями Бога, Личности и Свободы, как и многие другие молодые люди моего поколения, но с той лишь разницей, что я наткнулся на необычный вариант подхода к ним, новый метод драмы - Театр Спонтанности и Катарсиса.

ИДЕЯ ФИКС

Почему я выбрал театр, а не основал религиозную секту, не ушел в монастырь или не разработал еще одну теологическую систему (хотя все это не исключает друг друга), можно понять, взглянув на окружение, из которого возникли мои идеи. Я страдал от идеи фикс, от того, что тогда могло быть названо одержимостью, но что сегодня, когда идея уже приносит плоды, можно расценивать как «милость Господню». "Идея фикс" стала моим постоянным источником вдохновения; она провозглашала, что существует своего

рода первоприрода, бессмертная и заново возрождающаяся в каждом поколении, первовселенная, включающая в себя все сущее, и все происходящее в которой священо. Я возлюбил это колдовское царство и решил не покидать его более никогда.

Одним из моих любимых занятий было, усевшись у подножия большого дерева в садах Вены, собрать вокруг себя детей и рассказывать им сказки. Самой значимой частью повествования было то, что я, словно один из героев сказки, сидел у подножия дерева и что дети тянулись ко мне по зову волшебной флейты и, оставляя окружающий их убогий мирок, попадали в волшебную страну. И не так важно было, что я им рассказывал, сама сказка, важно было действие, атмосфера таинства, парадокса, ирреальности,

воплощаемой в явь. Я был в центре, частенько поднимался с земли и садился выше, на ветку; дети садились в круг, затем образовывался второй круг, третий, множество концентрических кругов, уходящих за горизонт.

Когда постепенно мною овладевало желание обратиться в мир взрослых, оно возникло вместе с убеждением, что моим гидом останется идея фикс. Следовательно, когда бы я не попадал в новую для меня ситуацию, формы, возникающие передо мной в том девственном мире, вставали в моем сознании. Формы эти были моими моделями, когда бы я ни пытался представить новый порядок вещей или построить новое пространство.

Я был абсолютно убежден в истинности моего восприятия. Оно, казалось, наделило меня

пониманием жизни еще до того, как опыт и эксперимент вывели его точность. Стоило мне увидеть какую-либо семью, школу, церковь, палату конгресса или любой иной социальный институт, я всякий раз восставал против него; я ощущал их внутренние противоречия, и у меня уже была готова новая модель для их замены.

ТЕАТР СПОНТАННОСТИ

Когда я вошел в театр, я знал, что невероятно далек от своей первоначальной формы.

Позднее, когда мной была создана сцена для нового театра, призванного даровать человечеству своего рода драматическую религию, многие спрашивали, что повлияло на мое решение построить сцену такой конфигурации, сцену, расположенную в центре, а не на периферии; сцену, позволяющую двигаться в любом направлении, не имеющую преград; сцену, открытую со всех сторон, а не только с одной; сцену, имеющую форму круга, а не квадрата; сцену, которая движется не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении. Нет, мое вдохновение не было вызвано Шекспиром или греками, я заимствовал эту модель у самой природы.

В представляющемся мне театре изменилось все, не только структура сцены. Личность актера и его творческая спонтанность первыми

взывали к переменам. Отчего они должны уступать место личности и творческому гению драматурга? Я вернул их в пределы, где царили величайшие актеры — пророки и святые, чьи деяния стали возможны лишь благодаря прорыву сквозь броню собственного «Я»; вне этих пределов все их победы могли бы лишь утолять их тщеславие. Я видел спонтанных актеров в далеком прошлом человечества, я уносился мыслью в его детство, к которому все мы испытываем своего рода ретроактивную амнезию — подобную той, что возникает у нас по отношению к периоду нашего собственного раннего детства — видел, как ставят они свои нехитрые подмостки посреди рыночной площади, среди праздной толпы. Тайная вечеря, возможно, стоила Христу многих бессонных ночей и внутренних споров, пока он не решил, что этот эпизод его жизни должен быть поставлен в форме трапезы, но едва ли кто-либо возьмется утверждать, что эта сцена репетировалась Христом долгие месяцы, пока, как актер перед премьерой, он не ощутил свою готовность выйти на сцену. Скорее, это зрело в нем и наконец вырвалось наружу, подобно цветам, вдруг по-весне появляющимся на дереве. Это и было цветение спонтанности и творчества.

Моя версия театра была основана на представлении о спонтанном творчестве

личности. Но сама идея спонтанной и творческой личности была глубоко дискредитирована и предана забвению в те времена, когда идея фикс побудила меня бороться с ее противниками за возрождение личностного в человеке, бороться, используя любые возможности убеждения и саму драму. Вена 1910 г. была местом, наглядно иллюстрирующим три формы материализма, которые в наш век бесспорно владели миром: экономический материализм Маркса, психологический материализм Фрейда и технологический материализм парового двигателя, аэроплана и атомной бомбы. Все эти три формы материализма, насколько бы далеки они не были друг от друга, молчаливо соглашались в одном — в глубоком страхе и отвращении, почти что ненависти к спонтанному и творческому в личности (что никак не следует смешивать с индивидуальным гением, одной из многочисленных форм проявления спонтанности).

Когда я увидел величественное здание, над которым Человек, придавая ему основательность и величие западной цивилизации, трудился около десяти тысяч лет, поверженным в прах, единственным из найденного мной на этом пепелище, что оставляло надежду на возрождение, было спонтанное творчество. Я видел, как этот огонек

теплится в глубине всего сущего, в космическом, духовном, культурном, социальном, психологическом, биологическом и сексуальном, образуя в каждой из этих сфер ядро, из которого поднимается новая волна вдохновенья. Но вместо того, чтобы впасть в состояние экстатического восхищения перед новым открытием подобно тысячам других, попадавших в прошлом в аналогичные ситуации и рассматривавших спонтанное творчество как иррациональный дар природы, как нечто мистическое, данное одним, но не доступное другим, вокруг чего непременно возникает атмосфера культа, я склонен был отнести к этой проблеме с некоторой отстраненностью ученого, исследующего новый элемент. Разница состояла лишь в том, что в традиционно-научной процедуре новый элемент, объект изучения, находится вне исследователя и у последнего не возникает необходимости создавать этот объект. В то время как здесь передо мной стояла двойная задача — сначала создать, породить новый элемент внутри самого себя, реализовать, так сказать, на себе субъективно-творческий процесс, затем организовать его отчуждение и систематическое исследование. Я думал о пророках прошлого, которые, казалось, являли наиболее блестящие примеры спонтанного творчества, и говорил

себе: «Вот что ты должен воссоздать прежде всего и воплотить это в себе самом».

Таким образом я начал «разминаться», готовя себя к пророчествам и героическим настроениям, фиксируя на этом свои мысли, эмоции, жесты и действия, это было своего рода исследование спонтанного на эмпирическом уровне. Конечно, это не было так просто и так очевидно. Я, разумеется, хотел стать экстраординарной личностью, великим пророком или Дон Жуаном. Но если бы я достиг этого, с тем чтобы с удовлетворением остановиться на достигнутом, я не добавил бы ничего нового к нашим представлениям о сущности спонтанно-креативного и о возможных сферах его реализации. Какие-то фазы спонтанно-креативного лежали в основании всякой истинной религии, но если бы я просто впал в религиозный экстаз, в результате этого, в лучшем случае, возникла бы еще одна религиозная секта. По временам, конечно, когда разминочный процесс вводил меня в экстатическое состояние, я брал на себя роль Бога и вызывал у других желание подыгрывать мне. Но были и моменты, когда я критически оглядывался на плоды своей деятельности, глядя, словно в зеркало, в свое собственное, мною же созданное, альтер-эго. Одним из моих первых открытий стало то, что спонтанность может обратиться в фальшь, если не следить за

ее развитием, и что сам спонтанный актер, понимая спонтанность как необходимое к достижению состояние, может начать клишировать некоторые «спонтанные» приемы. Клише одного спонтанного акта, если оно не контролируется внутренне самим актером, может быть перенесено в последующие, якобы спонтанные акты.

Вторым открытием стал для меня тот факт, что способность к спонтанному творчеству может быть развита, каким бы крошечным изначально не казался ее огонек. Но в наш материалистический век никто не может всерьез взять на себя роль Бога или святого, не будучи при этом душевнобольным или социально опасным маньяком. Театр, в этом смысле, предоставлял пространство, безопасное для воплощения самых революционных идей, и безграничные возможности для исследования спонтанности на экспериментальном уровне. Спонтанность можно было диагностировать и измерять в атмосфере, свободной от оскорблений посредственности, а религия получала новые обоснования своих догматов. Воспитывавшийся в естественно-научном окружении, я начал строить гипотезы, затем процедуры проверки этих гипотез и тесты для измерения спонтанности. И все это не было наукой во имя науки, но подготовленными и необходимыми шагами для наступления на

спонтанность, приоткрывшей свои тайны – для тех, кто боготворил непосредственный и творческий гений.

Но насколько возможна была сама идея театра спонтанности с точки зрения технологической и практической действительности? После тестирования сотен людей стало очевидным, что талант к спонтанному творчеству был крайне редким и неразвитым; что нельзя определить заранее направление движения личностной спонтанности что она не зависит от стоящих перед актером задач и что степень адекватности спонтанного акта решения этих задач непредсказуема. Сама специфика работы в театре, ежедневно с новой аудиторией, побуждала изыскивать новые методы постановки, предвидения и жестокого отсека сколь угодно ценных методов, не приносящих нужных результатов.

Изучение разминочных процедур актеров и зрителей, исследование сценического действия и роли, методов общения в сиюминутных ситуациях, отработка диаграмм взаимодействия и шкалирования спонтанности — все это были лишь побочные продукты деятельности, направленной на то, чтобы вдохнуть в театр спонтанности жизнь. и заразить энтузиазмом спонтанности людей, включенных в эту деятельность.

Стопроцентный театр спонтанности, однако, встречался с огромными трудностями, прежде всего, со стороны зрительской аудитории. Люди эти росли и воспитывались в самых разных слоях социума, в среде естественных и гуманитарных знаний, формирующих «культурные основания», которые они использовали в повседневной практике и на которые полагались гораздо больше, нежели на собственную спонтанность. Единственным источником творческого, который они могли оценить, была природа. Таким образом, становясь зрителями театра спонтанности, они либо воспринимали действие как отлично отрепетированный спектакль, с помощью которого их хотят одурачить, либо, если действие было плохо сыграно, утверждались в мысли, что спонтанность всего лишь

выдумка... Я видел перед собой огромную задачу изменения зрительского отношения к спонтанности. Решение ее требовало тотальной революции в нашей культуре, революции, ориентированной на возрождение творческого начала в людях. Однако вершиной трудностей, с которыми я столкнулся, стало для меня то, что и лучшие мои ученики пытались использовать заранее заготовленные штампы в спонтанных этюдах и в конце концов, отворачиваясь от театра спонтанности, уходили в профессиональные труппы или в кино.

Встретившись с этой дилеммой, я временно обратился к терапевтическому театру, рассматривая это как стратегическое решение, позволяющее спасти психодраматическое движение от забвения. Стопроцентная спонтанность в терапевтическом театре не вызвала каких-либо сомнений; эстетическое несовершенство актера было непростительным, тогда как несовершенство и срывы пациента психотерапевта, возникавшие на сцене, воспринимались как должное, их ожидали и, зачастую, тепло приветствовали. Актеры здесь обратились в дополнительные «эго», и они, в своей терапевтической функции и, также воспринимались теперь с их не приукрашенным природным талантом и вне искусственного перфекционизма профессионального театра. Театр спонтанности здесь раскрывался в своей промежуточной форме — в форме театра катарсиса.

Создавая мир в шесть дней, Господь остановился чуть раньше, чем следовало бы. Он даровал Человеку мир, но, обеспокоенный его будущностью, он даровал ему и цепи, которыми человек прикован к этому миру. Ему бы следовало поработать еще один день, с тем чтобы создать для людей другой мир, отличный и свободный от первого, мир, в который человек мог бы уходить от повседневных мелочных забот, мир нереальный, но именно поэтому

никого не сковывающий. Это и есть сфера, в которой театр спонтанности продолжает начатое Богом сотворение мира, приоткрывая для человека еще одно пространство бытия.

ЛОКУС И СУЩНОСТЬ ЛИЧНОСТНОГО

Спонтанность представляется нам наиболее глубинным филогенетическим фактором, который формирует человеческое поведение, наверняка более древним, нежели память, рассудок или сексуальность. Она находится в эмбриональной стадии развития, но

потенциальные возможности спонтанности поистине безграничны. Поскольку спонтанная энергия может регулироваться самим человеком, ее высвобождение можно сравнить с высвобождением ядерной энергии в физическом плане.

Существует множество определений личностного. Все мы, безусловно, осознаем, что биологический организм и личность - далеко не одно и то же, хотя едва ли нам удастся провести четкую границу между ними. Личностное - это плавильная печь для результатов жизненного опыта, поступающих сюда непрерывно и отовсюду. Одной из протяженностей личностного является социальное, другой - сексуальное, затем следует биологическое,

космическое и т. д., и все-таки личностное шире всего этого набора качеств. Еще сложнее задача определения локуса личностного. Мы сможем лишь выделить некоторые из направлений, по которым оно получает свое содержание, но где его локус - это вопрос, на который нам едва ли удастся ответить. Моя гипотеза такова: локус личности - ее спонтанность.

Спонтанное само по себе: производное от «законов» природы и «матрица» творческого. Едва ли можно назвать личностью человека, спонтанность которого равна нулю. С исчезновением спонтанности личность погибает. С ростом спонтанности развиваются личностные качества. Если возможности спонтанного безграничны, безграничен и потенциал личностного. Одно является функцией другого. Их соотношение может быть выражено количественно. Если спонтанность «может изменяться с помощью тестов», то личностное может быть измерено степенью спонтанности, которой обладает данный индивид, его коэффициентом спонтанности. Личностное подобно реке, оно проистекает из спонтанного, но есть много других источников, питающих его.

Трудно также согласиться с какой-либо из теорий структуры личностного. Я бы описал ее как набор ролей (частных и коллективных). Личностное простирается далеко за пределы биологического организма, одно из таких

«запределий» - межличностные отношения. Как далеко они устремляются и где заканчиваются - вот в чем вопрос. Если допустить, что личность человека может расширять свои пределы в соответствии с его творческими достижениями и могуществом, а вся история человечества явственно подтверждает эту зависимость, тогда должно существовать определенное отношение между представлениями о человеческой личности и идеей универсальной личности или Бога. Современные апостолы безбожия, отрезая узы, связывавшие человека с божественной системой, с супертривиальным Богом, слегка перестарались в своем безудержном энтузиазме, они отрезали человека от того, что делало его личностью. Одновременно с освобождением человека от власти Бога они освободили его от самого себя. Они объявили миру — Бог умер!!!, но в это время умирал не кто иной, как сам человек. Мой тезис, следовательно, состоит в том, что суть проблемы не в существовании Бога и не в отрицании его существования, но в происхождении, реальности и протяженности личностного. Под термином личностное при этом я разумею нечто, что остается от вас или от меня после самой радикальной редакции «нас», проделанной прошлыми и будущими интерпретаторами.

В социальном плане мы выделяем фактор «теле», определяющий направление, по которому идет экспансия личностного. Для понимания сущности феномена "теле" следует полагать различие между проекцией и тем, что может быть названо «retrojection». Проекцию обычно определяют как «навязывание другим своих представлений и допущение их объективности, хотя они и имеют субъективное происхождение».

Retrojection — это стремление получить от окружающих (и это может быть отнесено ко всем сферам и источникам) их идей и ощущений, либо для сопоставления со своими собственными (подтверждение), либо для умножения собственного могущества (экспансия).

Формирование личностного внутри индивидуального организма начинается в раннем возрасте. Этот феномен универсален и наблюдается в каждом индивиде. В некоторых людях невероятной степени развития достигает сила retrojection. Мы называем их гениями и героями. Если гениальный человек знает, что нужно людям в этот исторический период, и желает помочь им, он способен добиться этого, используя ретроективную энергию своей личности, т. е. с помощью процессов «теле», а не посредством проективных процессов. Теле-процессы с невероятной легкостью

ассимилируют опыт других, и не посредством выкачивания чьих-либо идей, но благодаря тому, что эти другие сами склонны раскрывать свои чувства навстречу «теле». Теле-процессы позволяют рассматривать чужой опыт как подобный или идентичный их собственному и интегрировать его внутри данной личности; таким образом, «теле» предоставляет возможность раздвигать границы личностного до невероятных пределов. Когда «теле» утрачивает свою силу, личностные порывы утихают и личность увядает.

Гипотезы расширения личностного возникли в истории человечества, прежде всего, в сфере духовного, в форме религиозного экстаза, позднее, в сфере эстетического (экстатические состояния поэтов и озарения философов); затем в сфере политики, как предвидения правителей, государственных деятелей и полководцев; упоение властью, достигаемой в процессах манипулирования людьми; в сфере науки, как упоение властью, получаемое от манипулирования идеями; в технологическом процессе, как упоение властью, получаемое от манипулирования физическими объектами.

ПРОТЯЖЕННОСТЬ ЛИЧНОСТНОГО

Соотношения между «Я» и личностным протекают в двух фазах, одной из которых является центростремительный процесс ретроекций, другой - процесс возрождения личностного, центробежный процесс «экстроекции». Данный процесс экстернализирует личностное после завершения процесса субъективации. Проблема же состоит в следующем: сможет ли личность после того, как мы научимся осуществлять подобную экспансию личностного, овладевать миром и контролировать ситуацию в части мира, в которую она вторглась, или же, как и прежде, личность останется игрушкой в руках неподвластного ей случая. Социология дает нам реальные основания полагать, что человеческое общество в конце концов будет управляться спонтанной личностью или личностями. Экспериментальная генетика обеспечивает еще большую уверенность в том, что генетическая эволюция человеческой расы станет однажды объектом, поддающимся контролю и управлению. Но методы управления и контроля событий космического масштаба все еще (и, возможно, навсегда) остаются покрытыми тайной.

Самая большая трудность в развитии личности в направлении действительного овладения Вселенной заключается вовсе не в изобретении

инструмента, посредством которого эта задача могла бы быть решена, но в самом Человеке. Он неумел и инертен, спонтанность его находится в зачаточной стадии развития. Процесс этот тормозит, следовательно, вовсе не отставание общественных наук от естественно-научных дисциплин, тормоз этот скорее, в человеческой ограниченности и неготовности использовать инструменты и методы, которые бы позволили ему принять биологический, общественный и культурный вызов. В общественной сфере, например, он живет в мире сравнительного «изобилия». Огромное число методов и инструментов, разработанных общественными науками в последние годы, преданы забвению в заштатных лабораториях и библиотеках.

В то время как в области технологии человека готовность использовать только что изобретенные инструменты достаточно велика, в общественной сфере эта готовность удивительно низкая и практически равна нулю. Чтобы не быть голословным, замечу, что человеку было гораздо легче научиться пользоваться палкой, огнестрельным оружием или атомной бомбой, чем убедить себя в необходимости использования социальных инструментов, которые могли бы обеспечить ему более полную свободу внутри человеческого общества. Решение этой

проблемы - не простое дело; человека следует образовывать, но под образованием здесь имеется в виду нечто большее, нежели обыкновенное интеллектуальное просветительство, дело не только в дефицитности человеческого интеллекта или в отсутствии сензитивного тренинга; это не стремление к всеобщему озарению, это, скорее, проблема недостаточности спонтанности для использования наличного интеллекта и мобилизации своих пробужденных эмоций. Но подобная программа подготовки требует беспрецедентных усилий, подготовки и переквалификации людей в мировом масштабе в области спонтанности, она требует постоянной модификации и уточнения исследований деятельности и методов деятельности, обеспечивающих ориентацию в новой для человека внутренней и внешней ситуации.

Тщательный анализ общечеловеческой истории делает очевидным тот факт, что процесс дисквалификации религиозных, общественных и культурных институтов протекает чересчур быстро; человек пускается в деятельность по их развенчанию почти с той же необдуманностью, какую он выказывал, создавая в более ранние периоды своего развития атмосферу незаслуженной святости вокруг этих же самых институтов. Нет сомнения

в том, что человек должен снова обратиться от мирской суеты к сфере священного, от исключительно технологического прагматизма к сфере духовности, для того, чтобы все возрастающая протяженность личностного могла бы обрести внутреннее равновесие; как это ни парадоксально, но реализационные методы святого и технологические методы ученого - две крайности, между которыми протраиваются реализационные методы биометристов, психометристов, социометристов и т.д., и которые должны встретиться и слиться до того, как снова займется заря надежды.

Но распространение личностного из пределов индивидуального организма в Космос Повелителя Вселенной нельзя представить как процесс исключительно рассудочного проектирования. Это будет процесс реализации личностного, посредством личностного и через личностное, движение от нижних к предельно высоким рубежам, с периодом каждого шага, равным исторической эпохе. Никто не может предсказать, например, как много времени и усилий потребуется для того, чтобы универсально-личностное, в сфере человеческого общества достигло бы столь высокой степени интеграции, какая была достигнута отдельными представителями человечества в истории его эволюции. Каждый

новый шаг в реализации и экспансии личностного будет приводить к общей революции, если ситуацию человека на более высоком уровне сравнивать с ситуацией на более низком уровне. Процесс «Я - Личность - Бог» не имеет, очевидно, ни малейшего отношения к идее человека-бога и ей подобным антропоморфическим аллюзиям. Нас не интересует богоподобие какого-либо отдельно взятого индивида, но, если уж пользоваться религиозными сравнениями, богообразие всей Вселенной, ее личностная интеграция.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Многие авторы отмечают, что гордость человека за свой космический статус в последние несколько сот лет подвергалась частым унижениям. Коперник объявил, что Земля не является центром Вселенной, но движется вокруг Солнца; она не более чем песчинка в бесконечном космосе, подчиняющаяся тем же физическим законам, что и весь мир; теория Коперника положила конец представлениям о центральном положении человека в космосе. Дарвин доказал, что человек, как биологический вид, является лишь еще одним звеном в эволюционной цепочке и происходит от человекообразной

обезьяны; так было покончено с идеей человека как особого высшего создания. Маркс утверждал, что сама человеческая история "определяется движением масс, экономических классов людей; вырванная из народных масс личность бессильна. Мендель показал, что сущность индивидуального соматического определяется генами. Фрейд заявил, что индивидуальная психика человека не управляется его волей, но является продуктом подсознательных влечений. И, наконец, социометрия, открыв микрзаконы, управляющие человеческими взаимоотношениями, утверждает что человек несвободен даже в своем собственном доме и в обществе, которое он создает.

Индивид достиг нулевой отметки на шкале значимости. Заключительный вердикт, вынесенный наукой, был таков: мир, окружающий человека, может обойтись и без него. Он является одним из побочных продуктов природы. Он может исчезнуть, но будущее Вселенной от этого не изменится. Когда в один из самых мрачных периодов в истории человечества его религиозная цивилизация пала в прах под ногами марширующих армий, солдат и офицеров, моим первым желанием было дать человеку новое видение Бога и позволить ему хоть на мгновение приобщиться к универсальной религии будущего, которая, как

я был уверен, однажды и во веки веков объединит всех людей в единое общество. В момент величайших человеческих унижений, когда прошлое казалось заблуждением, будущее сулило неудачи, а настоящее являло собой пустое безвременье, я сформулировал в «Словах Отца» самый радикальный антитезис нашего времени, объявив мое «Я», сущностное и личностное «Я» слабого жалкого человечка равным и

идентичным сущности и личности самого Господа - Творца Мироздания. Мне не было нужды доказывать, что Бог существует и что он создал мир, если и я, его создание, также принимал участие в создании себя и себе подобных.

Даже тогда, когда Бог представлялся людям слабым и смиренным, несвободным и обреченным на смерть, он в то же время оставался всепобеждающим. Воспроизводя структуру «Я - Личность - Бог», именно Бог и сделал себя несвободным, с тем, чтобы создать мир миллионов равно несвободных существ вне себя и, в то же время, быть зависимым от них. Идея Бога стала революционной категорией, перенесенная от начала мироздания в настоящее, воплощенная в личностное, возрожденная в каждом из людей, «Ты - Бог» христианского Евангелия действительно

нуждался в доказательствах собственного существования, «Я - Бог» личностного был самоочевиден. Рождение этого нового "Я" нельзя было бы представить иначе, как в результате самосоздания. Такой индивид не мог бы и вообразить существование личности, созданной кем-либо, кроме нее самой. Он также не мог бы представить себе будущее мира, возникшего когда-либо, но не бывшего творцом себя самого. Он не мог бы представить себе существования мира, который не нес бы личную ответственность за собственное рождение.

Будучи беспрецедентной в истории религии, эта книга была воспринята атеистами как образчик традиционного теизма, теологами - как повторение библии, но парадоксы нашего естественно-научного века представили ее в новом свете. Человек продолжал производить роботов, которые, в свою очередь, быстро увеличивали не только материальное изобилие, но зависимость человека от них самих. Это сделало его физическое существование столь незначимым и нереальным, сколь нереальным, по словам Фрейда, было и его психическое бытие. В курсе такого стремительного самоуничтожения и саморазрушения он внезапно столкнулся с феноменом, который практически перевернул все его представления. Выпустив джина атомной энергии и создав атомную

бомбу, он смог теперь двигаться в противоположном направлении. Он смог теперь узнать, как уничтожить Вселенную, столь незначительным, побочным продуктом которым являлся он сам, или, по крайней мере, у него формировалась иллюзия возможности, в процессе создания еще более дьявольских средств, разрушить актами насилия ее физическую структуру. Конечно, сегодня перед человечеством лежит очень долгий путь от позиции разрушителя мира к позиции его создателя, но между этими позициями есть определенная связь "Les extremes se touchent" (крайности встречаются).

Другим аспектом этого нового развития в области физической технологии является то, что значимость "Я", отдельного индивида внезапно возрастает. Можно предвидеть, по крайней мере, одного ученого-преступника, обладающего секретным оружием, который может уничтожить весь мир. Овладение энергией атома придает новое значение нашему отношению ко времени. Обретение человеком статуса потенциального разрушителя мира и себя самого, сделало такое событие, как конец мира, катастрофически близким и

реальным, отношение человека к будущему, во всяком случае в сфере психического, приобрело при этом характер отношения к нему

как к конечной величине. Еще несколько поколений назад общепринятым отношением к будущему было представление о беспредельно длинном и бесконечном развитии, постепенно устремляющемся ко все более и более прогрессивным формам бытия. Идея атомной бомбы, подобно короткому замыканию в нашем сознании, резко сократила протяженность будущего. Она также приблизила нескончаемую отдаленность прошлого; она сделала начало мира более знакомым и переместила его почти в настоящее. Она, в конце концов, сделала наши представления о Вселенной представлениями о чем-то достаточно маленьком и уж во

всяком случае гораздо меньшем, чем была наша планета для древних греков.

Удивительно, таким образом, что человеческая личность, которая так унижалась последние тысячу лет и чей статус всячески дисквалифицировался интерпретациями научных открытий, возродилась снова для самореализации и экспансии. Можно предсказать, что рост личностного не прекратится до тех пор, пока новая мировая религия не переиначит и не пересмотрит полностью все заблуждения прошлого. Существует даже растущая уверенность, что расширение пределов личностного значит намного больше, нежели временное изменение

хода событий, и что человек однажды, в далеком будущем действительно станет властелином Вселенной и обратится наконец в «создателя», воплощая в действительность и подтверждая этим перевоплощением идею личности-творца, изначально создавшего мир.

«В начале было слово», сказал евангельский святой Иоанн, «В начале было дело», восклицает Фауст у Гете. Давайте пойдем дальше. «В начале был деятель, актер, в начале был Я - Творец Вселенной».